ЧЕЛОВЕК, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО

Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг.

П.В. БИЗЮКОВ*

***Петр Вячеславович Бизюков** – ассоциированный научный сотрудник, Институт социологии РАН; Социологический институт РАН – филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук. Адрес: 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14. E-mail: petersk@yandex.ru

Цитирование: Бизюков П.В. (2019) Трудовые протесты в России: территориальная и отраслевая локализация в 2008–2016 гг. // Мир России. Т. 28. № 1. С. 75–100. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100

Статья посвящена распространению трудовых протестов в географическом и экономическом пространствах. В ее основе лежат данные Мониторинга трудовых протестов, начатого в Центре социально-трудовых прав в 2008 г. В статье описывается методика Мониторинга, в соответствии с которой трудовые протесты – это публичные конфликты, используемые работниками для защиты своих интересов. В тексте перечисляются основные показатели, которые фиксируются по каждой акции. Количество трудовых протестов за 108 месяцев наблюдений (с января 2008 г. до декабря 2016 г.) увеличилось более чем в три раза. Всего в базу данных Мониторинга включена информация о 2516 протестах. В начале рассматривается динамика изменения количества протестов по годам, нарастающая на протяжении всего периода наблюдений. Для того чтобы дать количественную оценку числа протестных акций в России, производится сравнение с двумя странами – Грузией и Кыргызстаном, где с 2016 г. ведется сбор данных по методике Мониторинга.

Главный фокус статьи – это распределение протестов по регионам и отраслям. На основании данных о числе акций по регионам делается вывод о том, что их распространенность близка к возможному максимуму, а среднее количество протестов, приходящееся на один регион, постоянно увеличивается. Отраслевая структура акций значительно изменилась: за последние годы выступления работников стали чаще происходить в отраслях, где преобладает неформальная занятость, где нет профсоюзов, т.е. там, где отсутствуют или слабо развиты институциональные механизмы регулирования трудовых отношений. И наоборот, доля протестов в промышленности, на крупных предприятиях уменьшилась, и данные Мониторинга показывают, что в промышленном секторе экономики в регулировании трудовых отношений, а значит, и конфликтов, активное

участие принимают профсоюзы. Снижение числа протестов в промышленных отраслях приводит к сокращению включенности профсоюзов в протесты. При этом нарастает число стихийных акций в отраслях, где профсоюзов нет или они слабы (бюджетные отрасли). Это позволяет сделать вывод о том, что профсоюзы, опираясь на право и механизмы социального партнерства, т.е. на институциональные регуляторы, смогли снизить уровень напряженности, а там, где их нет, уровень конфликтности повысился.

Ключевые слова: трудовые конфликты, трудовые протесты, забастовки, профсоюзы, причины протестов, формы протестов

Введение

В статье сделана попытка описать некоторые параметры протестного движения работников в России за последние годы. Опираясь на данные Мониторинга, который был разработан в московском Центре социально-трудовых прав, будет показано, как менялось количество трудовых протестов, как они распределялись по территориям и отраслям промышленности, а также некоторые другие характеристики. Одновременно будут описаны методологический подход и методика, позволяющая систематически собирать, обрабатывать и анализировать информацию о трудовых протестах в стране.

Трудовые протесты в современном российском обществе – неоднозначное социально-экономическое явление. Для понимания его многообразия необходимо иметь в виду две особенности. Во-первых, следует учитывать исторический аспект. Несмотря на то, что Россия уже четверть века считается рыночной страной, советские экономические традиции до сих пор важны, причем не только для работников старшего поколения, но и для молодых, начавших свою карьеру недавно. В советской экономике работники не имели права протестовать, а забастовки считались преступлением против государства, таким же образом ориентированы многие люди и в настоящее время. После распада СССР запрет на забастовки исчез, и их количество резко выросло; 1990-е гг. иногда называют временем постоянных протестов и забастовок. В условиях невыплаты зарплаты, закрытия предприятий, резкого снижения уровня жизни работники останавливали производства, перекрывали дороги и захватывали цеха. Несмотря на появление специального закона, в это время практически все забастовки были стихийными, а большинство протестов тех лет были неэффективными и не приводили к желаемым результатам: работники не могли добиться выплаты зарплат, предотвратить закрытие предприятий и остановить безработицу. Профсоюзы, пытавшиеся организовать забастовки, не получили признания, и их авторитет был и остается до сих пор весьма низким. Советское непризнание забастовок соединилось с уверенностью, что с помощью забастовок добиться ничего нельзя.

Вторая особенность во многом вытекает из первой. Речь идет о правовом регулировании трудовых конфликтов и забастовок. Современное российское законодательство рассматривает забастовку как часть коллективного трудового спора (КТС), который определяется как «неурегулированные разногласия между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями)» [Трудовой

кодекс РФ 2001]. Законодательство определяет, что коллективный трудовой спор может начаться только при условии, что его одобряет большая часть работников предприятия. После его начала должны пройти примирительные процедуры с участием соответствующих комиссий, посредников и арбитров. Если эти процедуры оказались неэффективными, то большинство работников должны принять решение о начале забастовки, согласовать обязательные работы, которые не должны прекращаться для поддержания технологии и сохранения предприятия и т.п. Причем все эти процедуры занимают несколько недель, требуют оформления значительного количества документов [Орловский, Герасимова 2016]. Однако следует подчеркнуть главное: если какое-то мероприятие будет проведено не в срок (собрание, примирительная комиссия), если будет неправильно оформлен хоть один документ (требования, протокол собрания работников и др.), вся процедура признается незаконной и ее необходимо начинать заново.

Со своей стороны профсоюзы признают такой порядок организации забастовки как невыполнимый. Большинству просто не удастся реализовать всю процедуру, и они либо проводят незаконную забастовку, либо отказываются от нее. Но в тех единичных случаях, когда профсоюз выполняет все процедуры в соответствии с законом, порой оказывается, что работодатель подготовился – останавливалось производство, начинался ремонт оборудования, сроки поставки продукции перенесены, соответственно, ущерб от остановки работ минимален. В то же время на бастующих оказывается давление: их запугивают, грозят увольнениями, не выплачивают зарплату. В результате забастовки заканчиваются достаточно быстро, и выдвинутые требования, как правило, не удовлетворяются. Поэтому для разрешения противоречий конфликтов были найдены иные способы, не имеющие отношения к законодательству о коллективных трудовых спорах.

Внимание к проблеме открытых трудовых конфликтов и забастовок появилось в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Прежде всего это был исследовательский интерес к шахтерским протестам, к грандиозной забастовке 1989 г., становлению независимых профсоюзов в постсоветской России. Первоначально это были работы, в которых ученые, журналисты добросовестно описывали события, очевидцами которых они стали [Лопатин 1998]. Позже появились публикации, в которых делались попытки не только охарактеризовать бурную забастовочную активность первого постсоветского десятилетия, но и теоретически осмыслить это новое для страны явление [Соловенко 2010]. Специалисты исследовательского центра под руководством Л.А. Гордона рассматривали трудовые конфликты того времени преимущественно как борьбу новых независимых профсоюзов, рабочих, стоящих на рыночных позициях, с консервативными постсоветскими «красными директорами» и сохранившимися постсоветскими профсоюзами [Гордон, Клопов 2000]. Группа исследователей из Института сравнительных исследований трудовых отношений (ИСИТО), опираясь прежде всего на качественные исследования в разных регионах и отраслях, пытались понять природу и логику трудового конфликта в новых социально-экономических условиях, которая не сводилась к борьбе «нового со старым», «рыночного с советским» [Ильин 1998; Борисов 2011; Bizyukov 1996]. Трудовые конфликты в России привлекали немалое внимание и зарубежных исследователей, описывавших специфику российского забастовочного движения в сравнении с аналогичными явлениями на Западе [Burawoy, Clarke 1993; Clarke, Aswin 2002].

Начало 2000-х гг. ознаменовалось событиями, повлиявшими на динамику протестного движения и, соответственно, на траекторию исследований в этой области: политическая стабилизация и укрепление властной вертикали совпали с принятием нового Трудового кодекса в конце 2001 г. и с запретительной процедурой трудовых споров. Тогда число протестов уменьшилось, волна забастовочной стихии пошла на убыль, но проблемы никуда не исчезли. Аналитики в этот период подчеркивали, что протесты локализовались, свелись к борьбе небольших групп за свои интересы только в ситуации их грубого нарушения [Германов 2009]. В то же время возникла серьезная проблема: для внешних исследователей предприятия стали закрываться, одновременно статистические органы формализовали и ужесточили подход к регистрации забастовок. Это привело к тому, что изыскания в области трудовых протестов стали проводиться крайне редко и по большей части в виде описания и анализа отдельных кейсов [Бизюков (2) 2011; Козина 2009], что было явно недостаточно, поскольку причин для столкновения работников с работодателями меньше не становилось.

Кроме того, стало очевидно, что ситуация в России не очень подходила для сравнения с положением в странах Европы и США, поскольку российский Трудовой кодекс запрещает забастовки огромному числу работников – транспортникам, медикам, учителям, коммунальщикам. Эти ограничения выключают из забастовочного движения десятки миллионов человек, которые в западных странах, как правило, являются лидерами забастовочного движения. Гораздо больше общих черт можно увидеть с протестным движением в Китае [Chan 2010] или в Южной Африке [Вебстер 2016]. Например, несмотря на то, что работникам в Китае бастовать запрещено, они скрывают свои трудовые протесты, выдавая их за возмущение жизненными стандартами в рамках городских и территориальных выступлений, т.е. проводя забастовки в скрытых формах. Иная ситуация в ЮАР, где профсоюзы не запрещены, но из-за их очевидной бюрократизации там регулярно вспыхивают массовые стихийные забастовки, приводящие к столкновениям с властями и даже к трагическим инцидентам, таким как расстрел протестующих на шахте Марикана в 2012 г.

Забастовки в их традиционном виде перестали быть основным средством протеста наемных работников, арсенал их средств борьбы за права расширился и во многом стал определяться институциональными рамками, позволяющими расширять или, наоборот, ограничивать работников, пытающихся отстаивать свои интересы. В таких условиях появилась необходимость в новых исследовательских подходах и новых источниках информации, позволяющих отслеживать уровень конфликтности в сфере трудовых отношений.

Методология Мониторинга

Мониторинг трудовых протестов начал функционировать в 2008 г. в Центре социально-трудовых прав. Потребность в нем была вызвана отсутствием в тот период в стране надежной информации об уровне конфликтности в трудовых отношениях. Данные государственной статистики о количестве забастовок, представленные в *рисунке 1*, весьма убедительно свидетельствуют об этом.

Рисунок 1. Количество забастовок в России 2000–2016 гг.¹

Как видно из *рисунка 1*, в период 2000–2016 гг. количество забастовок варьировалось весьма значительно: сначала сотни конфликтов уменьшились до десятков, затем выросли до нескольких тысяч и, наконец, вновь снизились до считанных единиц. Это не означает, что в России число протестных явлений резко увеличилось или уменьшалось, причина в другом: в то время несколько раз модифицировалась методика учета забастовок. Одно время существовал уведомительный порядок регистрации забастовок, позже требования к регистрации стали конкретизироваться и уточняться. В настоящее время в «Методологических пояснениях» на сайте Росстата предлагается такое определение: «Под забастовкой подразумевается временный добровольный отказ работников от исполнения трудовых обязанностей (полностью или частично) в целях разрешения коллективного трудового спора» [Методологические пояснения б/г]. Законодательство требует, чтобы учитывались только забастовки в рамках коллективного трудового спора (КТС), организованные в соответствии с требованиями закона. Изучать по этим данным динамику забастовок не представляется возможным, поскольку, например, приходится сравнивать «законные» забастовки 2010-х гг. с митингами против монетизации льгот, проходившими в 2004–2005 гг.

Общеизвестным является тот факт, что трудовые отношения потенциально конфликтогенны. Большинство трудовых конфликтов очень локальны и имеют латентный характер: они не видны внешним наблюдателям и зачастую принимают форму разногласий между работниками и начальством по различным поводам,

¹ По данным [Труд и занятость в России 2011; Российский статистический ежегодник 2016; Социально-экономическое положение России 2016].

в том числе связанным с социально-психологическими проблемами взаимодействия. Если конфликт не находит своего разрешения, то нередко все завершается уходом работника на другую должность или предприятие. Можно утверждать, что в настоящее время в России главный способ урегулирования трудовых конфликтов – это уклонение от них самими работниками. И у такого поведения есть два объяснения: во-первых, как говорилось выше, профсоюзы практически не имеют возможности эффективно конфликтовать с работодателем, они ограничены законом. Во-вторых, индивидуальный конфликт работника с работодателем, который предусмотрен российским законодательством², как правило, требует от работника значительных издержек. Исследование практик индивидуальных трудовых споров (ИТС) показывает, что работник, решивший защищать свои права в одиночку, должен быть готов к долгим и сложным процедурам оформления документов для органов, призванных регулировать трудовые отношения (Гострудинспекция, прокуратура, суд). Если его жалоба о нарушении прав будет официально принята, то работнику нужно будет приготовиться к получению формальных ответов, долговременному рассмотрению (несколько месяцев, а то и лет), значительным (с точки зрения работника) материальным издержкам, наконец, к психологическому давлению со стороны работодателя, который чаще всего рассматривает такую ситуацию как бунт и стремится подавить его любыми средствами [Бизюков (1) 2011]. Из-за слабости профсоюзов и трудностей индивидуальной защиты своих прав большинство работников предпочитают не вступать в конфликт: они либо смиряются с нарушениями, либо уходят на другую работу. Однако не все сводится к индивидуальным конфликтам: достаточно часто в качестве одной из сторон трудового конфликта выступают группы работников и даже коллективы предприятий, и их противостояние с работодателем нередко принимает публичный характер, иногда в виде забастовок; в некоторых случаях противостояние принимает иные формы открытого выражения несогласия работников с позицией работодателя.

При этом скрытые конфликты, не выходящие вовне, невозможно фиксировать, и в этом заключается одна из трудностей их изучения. Но публичные акции, в ходе которых стороны совершают демонстративные действия, направленные на обнародование своей позиции, вполне пригодны для анализа, прежде всего, потому, что они достигают главной цели, когда забастовки и митинги работников становятся объектом пристального внимания журналистов, экспертов. Такие сообщения появляются весьма оперативно, именно по этой причине на их основе оказалось возможным создать Мониторинг трудовых протестов ЦСТП.

Главной целью Мониторинга стали поиск, накопление и обработка данных о трудовых протестах российских работников. Под протестом здесь понимается открытая форма трудового конфликта, в рамках которого работники предприятия (организации, корпорации) или трудовая группа отказываются от традиционной деятельности и принятых взаимоотношений, отстаивая свою социально-трудовую позицию путем воздействия на работодателя или другие субъекты, способные определять позицию работодателя, с целью ее изменения в желаемую сторону.

² В Трудовом кодексе РФ существует глава, посвященная разрешению индивидуальных трудовых споров (ИТС) – Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ (редакция от 31.12.2014) (с изменениями и дополнениями, вступившими в силу с 13.07.2015), глава 60.

Трудовой протест – это трудовой конфликт, который приобрел публичную форму, это отказ от привычных и нормальных для работников форм поведения и взаимодействия, это их публичное заявление о неприемлемости своего положения. В рамках обычной забастовки отказ заключается в приостановке трудовой деятельности, нанесении ущерба и работодателю, и себе, т.к. в этот момент работники теряют зарплату, подвергаются риску увольнения и т.п. В других случаях нарушаются обычные способы коммуникации, когда обращаются не к начальству, а напрямую к властям, журналистам и общественному мнению, чтобы общество или его авторитетные субъекты обратили внимание на их неприемлемое положение и повлияли на работодателя.

Инициаторы протеста, работники, – крайне неоднородная группа. Классической видится ситуация, когда бастует коллектив предприятия или какого-то подразделения. Но на практике это могут быть, например, сотрудники нескольких субподрядчиков, которым генеральный подрядчик не выплатил деньги, и работники, формально принадлежащие к разным компаниям, выходят на общий митинг с требованием погашения долгов. Это могут быть и мигранты, не имеющие трудовых договоров и пытающиеся найти недобросовестного работодателя, но, не обнаружив его, идут непосредственно в прокуратуру; водители маршрутных такси, требующие повышения тарифов от мэрии, а не от фирм, которые наняли их³.

Особое значение имеют протесты, в ходе которых происходит полная или частичная остановка работы. Обычно такие акции называются забастовкой, т.е. остановкой работы протестующими сотрудниками. Но, как показывают наблюдения, не всякая остановка работы является забастовкой, например, отказ от работы из-за задержки зарплаты на срок более 15 дней, предусмотренный российским законодательством [Трудовой кодекс РФ, статья 142]. Забастовка – это всего лишь одна из форм, в ходе которой останавливается работа. Поэтому все протесты, ведущие к прекращению работы, получили название стоп-акций и особо выделяются как наиболее радикальные протестные действия работников.

Смысл изучения информации о трудовых протестах заключается в том, что они являются формой выражения наиболее острых противоречий, которые не могут больше оставаться скрытыми: если протест состоялся, то конфликт перешел в разряд «горячих». Количество протестов позволяет судить о напряженности трудовых отношений. Пока нет данных, позволяющих говорить, сколько скрытых трудовых конфликтов приходится на один открытый трудовой протест, но такая связь, безусловно, существует, и появление трудовых протестов рассматривается как следствие значительного количества мелких, скрытых трудовых конфликтов.

Мониторинг трудовых протестов осуществляется на основе анализа интернет-сообщений, публикуемых на новостных сайтах, в интернет-газетах и на

³ Вопрос разграничения функционала наемного работника и индивидуального предпринимателя крайне непрост. Например, при возникновении митинга против закрытия городского рынка приходится искать конкретную информацию о протестующих. Если это продавцы, нанятые держателями ларьков и требующие сохранения рабочих мест, это можно назвать трудовым протестом, а если речь идет о собственниках ларьков, которые требуют сохранения своего бизнеса, это совершенно иная ситуация, поскольку они не являются наемными работниками. Также сложность заключается в том, что работники и предприниматели могут митинговать совместно, и в данном случае необходимо найти факты, позволяющие выделить трудовую составляющую протеста и квалифицировать его как смешанный. То же самое приходится делать, когда речь идет о таксистах, дальнобойщиках, артистах, сезонных музыкантах, работниках киностудий. Нужно дифференцировать людей с функциями наемных работников, имеющих иной статус, и представителей мелкого бизнеса, совмещающих функции предпринимателя и работника.

информационных порталах, посвященных социально-экономической тематике. Такие сообщения в последние годы весьма оперативны и появляются, как правило, в день возникновения спора, а точнее, после начала информационно весомых действий по разрешению возникшего между работниками и работодателями конфликта. Разумеется, журналисты не всегда приводят исчерпывающую информацию, которая необходима для полного и всестороннего анализа ситуации, тем не менее большинство случаев описывается достаточно полно. При отборе сообщений приоритет отдается источникам, имеющим статус СМИ (федеральным, региональным, местным), действующих в рамках правовых норм и обеспечивающих правдивость информации. Сведения из иных источников (например, от блогеров) рассматриваются только как вспомогательные, позволяющие уточнить детали, которые дополняют обстоятельства протеста. На основе ежедневного поиска сообщений о трудовых протестах формируются их описания, которые заносятся в текстовую базу данных. Затем информация по каждому случаю кодируется и включается в количественный массив. Фиксируется следующая информация:

- региональные данные (федеральный округ, регион, величина города) с выделением межрегиональных протестов;
- отраслевая принадлежность предприятия или организации, которые организовали протест, с выделением межотраслевых протестов;
- причины протеста;
- форма протеста с выделением стоп-акций;
- количество участников протеста (если есть данные);
- акторы (субъекты) протеста, т.е. люди или организации, инициировавшие протест;
- продолжительность протеста (если есть данные);
- результаты протеста (если есть данные).

Данные заносятся и анализируются постоянно и ежемесячно, затем публикуется короткий отчет о количестве протестов за минувший месяц, а дважды в год, в январе и июле, публикуются полные отчеты (годовой и полугодовой) по всем показателям Мониторинга.

Накопленные данные позволяют исследовать ситуацию по нескольким направлениям. Традиционно изучается динамика публичных акций работников, кроме того, проводится анализ взаимодействий акторов в ходе протестов, а также связь протестов с макроэкономическими показателями и социальными индикаторами. В данной статье будет рассмотрен вопрос о территориальной и отраслевой распространенности трудовых протестов, но при этом будут использоваться данные об участниках и причинах, заставляющих работников защищать свои права.

Динамика количества протестов

Мониторинг был начат в январе 2008 г. За восемь лет наблюдений (в конце 2016 г.), через 108 месяцев, в базу данных была включена информация о 2516 трудовых протестах. Данные о количестве протестов по годам приведены на *рисунке 2*.

Рисунок 2. Количество трудовых протестов и стоп-акций в России в 2008–2016 гг.

В среднем за девять лет среднегодовое количество протестов составило 274 акции, т.е. каждый день где-то возникали один или несколько трудовых протестов. Довольно часто они сопровождались полными или частичными остановками работы, так называемыми стоп-акциями. В среднем за год их доля составляет 40% от общего числа протестов. Много это или мало для России? Однозначный ответ дать невозможно. В России сотни тысяч предприятий и организаций, где трудятся десятки миллионов человек, а количество протестов составляет всего несколько сотен случаев, из которых менее двухсот можно назвать забастовками. Но, думается, вряд ли стоит говорить о незначительности протестов. Оценивая их количество, надо учитывать исторический опыт борьбы работников за свои права в постсоветской России. Скрытые противоречия могут быстро перерасти в открытый и радикальный протест, а тот в свою очередь способен распространиться на другие предприятия и регионы. Именно так и произошло в Советском Союзе во время шахтерской забастовки 1989 г.: протест горняков одной из шахт в маленьком сибирском городе Междуреченске из-за отсутствия мыла в душе привел к тому, что началась грандиозная забастовка от Дальнего Востока до Украины, в которой участвовало 600 тыс. чел. Разумеется, что главным поводом было не отсутствие гигиенических средств, а накопившиеся системные противоречия в отношениях работников и централизованной власти. Позже нечто подобное случилось в 1998 г., во время так называемых рельсовых войн, охвативших всю страну и в которых участвовали не только шахтеры, но и машиностроители, учителя, коммунальщики. Можно вспомнить протест работников металлургического завода в маленьком городе Пикалево (Ленинградская область) в 2009 г., который привел к перекрытию федеральной трассы. Тогда премьер-министру В.В. Путину пришлось лично приезжать к бастующим, чтобы урегулировать конфликт.

Трудовые конфликты опасны еще и тем, что они могут соединяться с другими спорами: например, упоминавшаяся блокировка трассы в Пикалево была вызвана не только увольнениями, но и отключением в городе горячей воды из-за остановки котельной, которая снабжала теплом не только остановившийся завод, но и сам город. В Междуреченске (Кемеровская область) в 2010 г. горняки одной из шахт и жители города перекрыли железную дорогу и вступили в столкновения с полицией: причина была не только в том, что на этой шахте несколько месяцев профсоюз конфликтовал с работодателем, но и в том, что произошла масштабная авария с большим количеством жертв и руководство шахты пыталось приукрасить ситуацию. Трагедия соединилась с трудовым конфликтом, и фактически началась стихийная кампания гражданского неповиновения (конфликт также был разрешен с участием первых лиц государства). Примечательно, что каждый из этих протестов возникал неожиданно. Никто не мог предсказать заранее, что конфликт станет столь масштабным и приобретет столь острый характер: каждый трудовой протест – это потенциальный взрыв, способный в считанные часы стать массовым выступлением, и чем больше протестов происходит, тем эта вероятность выше.

Учитывая значимость приведенных выше рассуждений о возможности разрастания протестов и их слияния с другими видами протестного движения, для сравнения нужны количественные данные в других постсоветских странах. С 2016 г. программа Мониторинга начала реализовываться Грузии и Кыргызстане, где по аналогичной методике тоже накапливалась статистика, и удалось получить информацию о проходящих акциях работников. Разумеется, что количество протестов в этих двух государствах намного меньше, чем в России: за 2016 г. в Грузии зафиксировано 7 акций, а в Кыргызстане – 10. Полученные результаты позволяют соотнести их с численностью работающих (*таблица 1*).

Таблица 1. Количество занятых на один протест в России, Грузии и Кыргызстане, тыс. чел.

	2013	2014	2015	2016
Россия	257,8	244,0	176,8	172,8
Грузия	–	–	–	257,0
Кыргызстан	–	–	–	240,0

Как видно из *таблицы 1*, количество работников, приходящееся на один протест в Грузии и Кыргызстане, сопоставимо, и различия составляют чуть более 5%. Но в России это количество меньше: на 33% по сравнению с Грузией и на 28% – с Кыргызстаном. Это значит, что в России работники протестуют чаще и уровень протестности здесь выше. При этом надо отметить, что до 2015 г., т.е. до скачка количества акций, данный показатель был на том же уровне, что и в этих двух странах. В целом, опираясь на имеющуюся информацию, можно сделать осторожный вывод о количестве трудовых протестов: их достаточно много, на них необходимо обращать внимание, особенно учитывая возможность протестов к лавинообразному росту и слиянию с другими протестами. В то же время, опираясь на информацию о числе акций в других странах, можно утверждать, что уровень протестности

в России выше. Хотя это и не критичный уровень, который грозит глобальными потрясениями, тем не менее проблема заключается неопределенности этого предела. Скорее всего, о нем можно будет узнать, когда он будет достигнут, а пока можно говорить только о движении в сторону критической черты.

Территориальное распространение трудовых протестов

Данные Мониторинга показывают, что трудовые протесты возникали практически по всей стране (они не фиксировались только в двух регионах Крайнего Севера – в Магаданской области и на Чукотке), при этом наибольшее количество отмечалось в Москве – 10% (каждый десятый протест), что объясняется концентрацией в столице госорганов, ответственных за принятия политических и экономических решений, и возможностью работников быть услышанными. Также в число лидеров по количеству протестных акций вошли такие крупные промышленные центры, как Свердловская область (5%), Приморский край (5%), Санкт-Петербург (5%), Челябинская область (4%) и Иркутская область (3%).

К сожалению, при анализе территориального распределения существуют некоторые трудности. С одной стороны, из-за большого количества субъектов федерации, в связи с чем трудно получить статистически значимые результаты из-за высокой дробности. С другой, кроме регионального деления, существует деление на федеральные округа, которые, во-первых, очерчены достаточно произвольно, а во-вторых, их сложно сопоставлять, так как они обладают разным потенциалом: человеческим, экономическим, социальным. Тем не менее анализ по округам видится более предпочтительным, так как в этом случае количество единиц сравнения на порядок меньше, чем субъектов федерации.

За девять лет наблюдений наибольшее количество протестов зафиксировано в самом крупном округе – Центральном (21%), правда, его лидерство весьма формально, поскольку на долю следующего за ним Сибирского округа приходится 16%; Северо-Западный, Приволжский, Уральский, Южный⁴ и Дальневосточный округа разместились в интервале от 9 до 15%. В целом это позволяет утверждать, что в стране нет ярко выраженного протестного региона (самый малопротестный округ – Северо-Кавказский (3%)), что демонстрирует более или менее равномерное географическое распределение протестов по территории страны (рисунк 3). Чаше всего лидирует Центральный округ, доля которого колебалась от 17 до 26% и где с 2008 до 2012 г. прошло наибольшее количество протестов. При этом не вызывает особого удивления тот факт, что и другие округа выходили на первые места, например, сопоставимый с Центральным Северо-Западный округ (23% в 2013 г.). Но лидерство Сибирского округа (19% в 2010 г. и 21% в 2014 г.), где намного меньше как работающего населения, так и промышленных предприятий, позволяет предположить, что уровень протестности определяется не только этими показателями. Также заметны перепады в уровне конфликтности по разным округам: например, в Северо-Западном округе доля протестов колеблется с 9% (в 2008 и 2016 гг.) до 23% (2013 г.).

⁴ В состав Южного округа включены данные по Крыму, хотя некоторое время Крымский округ существовал как самостоятельный.

Рисунок 3. Распределение трудовых протестов по федеральным округам России в 2008–2016 гг., %⁵

Для более точной количественной оценки территориальной распространенности в рамках Мониторинга используются два показателя: первый – коэффициент территориальной распространенности протестов, вычисляемый как количество субъектов федерации в стране (федеральном округе), где зафиксированы протесты; второй – коэффициент протестной нагрузки, который вычисляется как отношение количества протестов в стране (федеральном округе) к числу субъектов федерации в стране (федеральном округе), где состоялись протесты. Данные о распространенности и протестной нагрузке приведены в *таблице 2*.

⁵ Здесь не учтены случаи протеста российских работников против российских работодателей за рубежом (экипажи судов, гражданский персонал военных баз и др.), они фиксировались не каждый год, и их доля не превышала 1%.

Таблица 2. Данные о территориальной распространенности и средней протестной нагрузке на один регион за 2008–2016 гг. в целом и по федеральным округам

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
Распространенность трудовых протестов⁶	0,48	0,67	0,72	0,72	0,73	0,69	0,73	0,82	0,85
в т.ч. Центральный округ	0,67	0,67	0,67	0,72	0,78	0,44	0,67	0,83	0,89
Северо-Западный округ	0,45	1,0	0,91	0,82	0,91	0,82	0,91	0,81	0,91
Южный округ	0,38	0,46	0,83	0,5	0,83	0,83	0,67	0,83	0,75
Приволжский округ	0,5	0,57	0,57	0,86	0,71	0,86	1,0	0,93	0,93
Уральский округ	0,33	0,66	0,83	0,83	1,0	0,67	0,83	1,0	1,0
Сибирский округ	0,25	0,83	0,75	0,92	0,58	0,67	0,92	0,75	0,75
Дальневосточный округ	0,66	0,71	0,78	0,56	0,67	0,78	0,56	0,78	0,89
Северо-Кавказский округ	–	–	0,57	0,29	0,43	0,71	0,28	0,57	0,57
Протестная нагрузка на один регион	2,3	4,9	3,4	4,3	4,7	4,9	4,7	5,8	5,8
в т.ч. Центральный округ	2,0	4,8	2,8	4,8	5,1	6,4	4,8	5,4	5,1
Северо-Западный округ	1,6	4,1	2,9	5,1	4,0	7,1	3,8	6,2	3,9
Южный округ	1,4	3,8	3,2	3,0	2,4	4,0	4,3	5,4	7,0
Приволжский округ	2,0	4,4	2,6	2,1	3,2	3,0	3,6	4,3	5,0
Уральский округ	5,5	12,5	6,2	6,0	6,3	4,8	5,6	6,7	7,8
Сибирский округ	6,0	4,1	4,3	3,8	4,9	4,25	5,5	8,2	6,6
Дальневосточный округ	1,8	4,0	4,0	7,4	5,3	2,7	3,0	5,7	6,5
Северо-Кавказский округ	–	–	1,3	4,0	3,0	2,8	2,5	1,75	3,75

Коэффициент распространенности протестов показывает, насколько плотно протестное движение охватило территорию страны. В 2016 г. этот коэффициент увеличился до максимума, и его значение составило 0,85 (протесты были зафиксированы в 72 регионах страны). По федеральным округам заметны некоторые колебания этого показателя, но в большинстве случаев наблюдается очевидный нарастающий тренд: даже в Южном и Северо-Кавказском округах динамика этого показателя была положительной, т.е. распространенность (при всех ее колебаниях) нарастала, а в Уральском округе (самом малочисленном по числу регионов) коэффициент и вовсе достиг возможного максимума.

Второй показатель – протестная нагрузка на один регион – демонстрирует, сколько в среднем протестов приходится на регион из числа тех, где они были зафиксированы. Этот показатель тоже увеличивался за весь период наблюдений и достиг значения 5,8 акций на регион. Здесь тоже как в целом, так и по

⁶ В общее число акций включены только протесты, проходившие в одном регионе; межрегиональные акции, проходившие сразу в нескольких регионах и федеральных округах, а также зарубежные акции здесь не учитывались.

большинству регионов видна положительная динамика, т.е. количество протестов в одном регионе нарастало.

Для интерпретации этих двух коэффициентов хорошо подходит аналогия «размазанного слоя». Показатель распространенности выявляет, сколько процентов территории находится под этим «слоем», а протестная нагрузка говорит о его «толщине». На протяжении всего срока наблюдений оба показателя увеличивались, но их взаимная динамика была такова: в один год росла распространенность, а нагрузка не менялась, т.е. протестность расширялась, но не нарастала; в следующем году, наоборот, распространенность стабилизировалась, но увеличивалась нагрузка на регион, т.е. «слой» протестов становился значительнее. В 2015 г. зафиксированы одновременное расширение территории протестов и рост протестной нагрузки, однако в 2016 г. возобновилась старая динамика – распространенность выросла, а нагрузка осталась на прошлогоднем уровне.

Наконец, еще одним показателем территориальной локализации, введенным в 2015 г. ввиду очевидных изменений территориальной структуры протестов, стал тип протестного населенного пункта. В 2011–2013 гг. на долю двух столиц приходилось от 16 до 23% от числа всех протестов. Анализ текстовой базы Мониторинга позволил сделать два предположения о причинах такой концентрации. Во-первых, в этих городах сосредоточены центры крупных корпораций и высшее руководство бюджетных структур, и жители двух столиц скорее будут услышаны, чем жители далекой периферии⁷. Во-вторых, в больших городах протестовать проще: здесь расположены центральные аппараты профсоюзов, которые могут помочь в организации акций, обеспечить правовую и организационную поддержку; функционируют мощные правозащитные организации, обучающие центры. Однако с 2014 г. ситуация стала меняться: доля столичных мегаполисов уменьшилась, и смещение протестов на периферию стало очевидным. Дополнительный индикатор («тип населенного пункта») подразумевал шесть позиций: (1) мегаполисы (Москва, Санкт-Петербург); (2) региональный центр (столица республики, края, области); (3) город регионального подчинения; (4) сельский населенный пункт; (5) межрегиональные акции; (6) другое (морские и речные суда, вахтовые поселки и т.п.). Распределение этого показателя приведено на *рисунке 4*.

Основная дислокация трудовых протестов в России – региональные центры (столицы областей, краев и республик), на чью долю приходится немногим менее половины всех зафиксированных акций (45% в 2015 г. и 42% в 2016 г.). Далее идут провинциальные, как правило, небольшие города (28 и 31% соответственно), населенные пункты в сельской местности (13 и 15% соответственно), два мегаполиса (10 и 8% соответственно). Данные двух лет демонстрируют небольшой сдвиг из центра в провинцию, от мегаполисов и региональных центров в малые города и сельскую местность. Хотя следует оговориться, что это может быть как случайной флуктуацией данных, так и началом тенденции, которая в дальнейшем получит свое подтверждение. В любом случае трудовые протесты – это явление регионального уровня, они не распределены равномерно, а тяготеют к центрам регионального управления. Зачастую работники сопровождают свои требования к работодателю обращением к властям (чаще всего к региональным), которые принимают непо-

⁷ Хотя, например, работники сибирских и южно-российских регионов не раз приезжали в Москву, чтобы провести митинги под окнами головных офисов.

средственное участие в урегулирование конфликтов, становясь значимым актором, способным повлиять на спорную ситуацию: вновь срабатывает фактор, объясняющий большое количество протестов в мегаполисах, – близость к центрам принятия решения. Тем не менее, говоря о перспективах, нужно иметь в виду наметившуюся тенденцию к активизации периферии – малых городов и сельских поселений.

Рисунок 4. Распределение трудовых протестов по типам населенных пунктов в 2015–2016 гг., % от числа протестов

Если попытаться в целом оценить территориальную локализацию трудовых протестов в России, то нужно отметить следующие особенности:

- в большинстве федеральных округов, за исключением Южного и Северо-Кавказского, уровень протестности примерно одинаков и он достаточно высок;
- Центральный и Северо-Западный округа, бывшие лидерами протестности в начале периода наблюдений, потеряли свое первенство и мало отличаются от других округов, хотя их экономический потенциал намного выше, чем, например, в Сибирском или Дальневосточном округах. Можно сделать вывод, что частота протестов зависит не столько от численности предприятий и количества работников в регионе, сколько от других факторов, позволяющих малонаселенным регионам продуцировать такое же число протестов, как и центральные регионы;
- распространенность протестов увеличивается постоянно и, видимо, близка к максимуму: на протяжении девяти лет наблюдается территориальная экспансия трудовых протестов, «слой» протестности распространяется все шире вместе с ростом «толщины слоя»;
- протесты сдвигаются из центра на периферию: уменьшилась доля двух столичных городов и возросла доля региональных центров, но, похоже, следует ожидать дальнейшее смещение протестного движения в малые города и сельскую местность. Концентрация протестов в столицах и региональных центрах во многом объяснялась близостью к центрам политического и административного принятия решений, а точнее, возможностью пожаловаться властям на работодателей. Но если центральные и региональные

власти обладают ощутимым властным потенциалом, то в малых городах (тем более в сельской местности) возможности влияния властей на работодателей невелики. Представляется, что в этих местах работники, начиная протест, больше надеются на себя, хотя и там довольно часто встречаются апелляции не к местным, а к региональным властям.

Необходимо отметить одну особенность, связанную с регулированием трудовых конфликтов, споров и трудовых отношений в целом. В российское трудовое законодательство заложен принцип трипартизма, т.е. регулирование отношений в сфере труда осуществляется тремя сторонами: работниками (через представительные органы, прежде всего профсоюзы), работодателями (их ассоциациями) и властями. Все вместе они вырабатывают конкретные законы, регулирующие трудовые отношения, государство принимает эти законы и следит за их исполнением. Работники и работодатели должны урегулировать возникающие у них противоречия самостоятельно в рамках закона. Но неэффективная правовая процедура решения трудовых споров приводит к тому, что стороны ищут иные способы устранения противоречий и часто обращаются не к правовой процедуре, а к носителям власти, способным повлиять на позицию оппонента. Здесь возникает ситуация, когда нарушается принцип трипартизма и власти превращаются из арбитра, надзирающего за исполнением правил, в одного из участников конфликта: иногда они поддерживают работников, заставляя работодателя выполнить их требования, а иногда – работодателей, подавляя протест работников. Но в этом случае власть начинает нести издержки как союзник одной из сторон и теряет авторитет в глазах либо тех, либо других.

Отраслевая локализация трудовых протестов

Для понимания того, каким образом протесты распределены в экономическом пространстве, первоначально был выбран краткий перечень отраслей, на основании которого кодировалась отраслевая принадлежность⁸ и который в дальнейшем трансформировался⁹. Распределение протестов по отраслям приведено на *рисунке 5*.

⁸ Выбор отраслевого классификатора сопровождался рядом методологических трудностей. Во-первых, отраслевые перечни, которые используются в статистике на протяжении последних лет, неоднократно менялись, уточнялись и детализировались. Во-вторых, не всегда на основании исходного источника информации удавалось точно определить отраслевую принадлежность, например, строительная организация может принадлежать добывающей корпорации, и, хотя все виды работ там относятся к строительству, корпорация, которой она принадлежит, может относиться к другой отрасли (добывающей, машиностроительной и т.п.). В-третьих, даже точное определение с помощью кодов ОКВЭД не дает исчерпывающей информации о принадлежности, так как иногда предприятия выбирают для себя наиболее комфортные позиции с точки зрения налогообложения, а не отраслевой принадлежности, не говоря уже о том, насколько трудоемко бывает найти соответствующую исходную информацию о предприятии или организации.

⁹ Некоторые позиции кодификатора оказались довольно общими, и их нужно было разукрупнять. Например, статистический классификатор объединял здравоохранение, соцобеспечение и спорт. Но в дальнейшем пришлось выделить отдельную позицию «профессиональный спорт», так как группировать забастовки профессиональных футбольных команд с протестами медиков было бы неверно. Также пришлось детализировать виды транспорта, для того чтобы отличать акции водителей маршруток от забастовок авиадиспетчеров или моряков. Одновременно пришлось сделать и обратную операцию, и рассматривать отрасли промышленности в целом, как промышленность. Разумеется, что статистика по отдельным промышленным отраслям (16 позиций) есть, но при анализе данные всех промышленных отраслей объединяются с выделением тех из них, где возникает наибольшее количество протестов.

Рисунок 5. Распределение трудовых протестов по отраслям в 2008–2016 гг.,
% от числа протестов

Первые четыре года наблюдений главным источником трудовых протестов являлась промышленность (от 56 до 40% от общего количества протестов), но в дальнейшем доля индустриальных отраслей снижалась, а доля других увеличивалась: транспорта (с 17% в 2009 г. до 28% в 2015 г.), строительства (с 5% в 2008 г. до 10% в 2016 г.), ЖКХ (с 3% в 2010 г. до 10% в 2016 г.). Большой интерес представляет динамика протестов в бюджетных отраслях (здравоохранение,

образование, культура, наука): в 2008 г. их суммарная доля составляла всего 5%, но уже в 2013 г. она выросла до 27% и в последующие годы не опускалась ниже 20% (22% в 2016 г.). Если характеризовать отраслевую динамику в целом, то очевиден сдвиг из промышленных отраслей в непромышленные. Для понимания причин такого смещения следует проанализировать динамику еще двух параметров Мониторинга: (1) количества стихийных протестов и (2) причин, заставляющих работников протестовать.

Инициаторами протестов чаще всего становятся сами работники (или их представители в лице профсоюзов, рабочих комитетов или других представительных структур), хотя фиксировались случаи, когда на это их побуждали представители общественных организаций (общественно-политические организации, помогающие организовать работникам митинг или пикет), депутаты, выводившие работников на протест и т.д. Необходимо отметить один важный момент: когда коллектив действует через представительные органы, это означает, что работники действуют через институциональные механизмы, поскольку профсоюзы (именно они чаще всего представляют работников в условиях конфликта) действуют на основе Устава¹⁰. Они планируют акции, проводят предварительные переговоры, оценивают риски и шансы на успех. Если протест с самого начала организуется профсоюзом, то это почти гарантия того, что сторона работников опирается на правовые механизмы – иначе их действия будут жестко пресечены. Даже в тех случаях, когда протест вспыхивает стихийно, профсоюз может взять его под контроль и ввести его в правовое русло, ограждая участников от обвинений в организации незаконных забастовок или несанкционированных акций. Чаще всего профсоюзные акторы – это лидеры и активисты первичных профсоюзных организаций, хотя нередко к ним подключаются вышестоящие профсоюзные структуры – городские, областные республиканские комитеты. Они обеспечивают дополнительную поддержку (правовую, организационную), задействуют свое влияние в территориальных и федеральных органах власти. Включение вышестоящих структур усиливает институциональную составляющую конфликта и позволяет разрешить спор в цивилизованных рамках.

Совсем иная картина наблюдается в случае стихийных акций, когда работники действуют без профсоюзов и организаций. Чаще всего это спонтанный отказ группы сотрудников от работы из-за грубого нарушения, например, многомесячных невыплат заработной платы. Такие акции непредсказуемы ни по составу участников, ни по форме, ни по последствиям: например, коллектив небольшой котельной (около 20 чел.) в сибирском городе в самый разгар зимы отказался от работы из-за восьмимесячной задержки зарплат. И хотя сотрудникам этой категории забастовки запрещены, власти, осознавая отчаянное положение работников, не наказали их, уговорив поддерживать температуру, достаточную для сохранения

¹⁰ В рамках Мониторинга не делается различий между профсоюзами, входящими в разные профсоюзные ассоциации, самыми известными из которых являются Федерация независимых профсоюзов России (как правило, это постсоветские профсоюзы, объединяющие около 20 млн членов) и Конфедерация труда России (куда входят альтернативные профсоюзы, объединяющие более 2 млн членов). Профсоюзы ведут активную, но, как правило, малозаметную деятельность. В фокус внимания попадают чаще всего яркие профсоюзные акции (забастовки, массовые пикеты и т.п.) или их громкие политические альтернативы. При этом за рамками остаются рутинная работа профсоюзов по заключению коллективных договоров, переговоры с работодателями, выделение денег на социальные программы и т.п. В результате такой работы профсоюзы чаще добиваются больших уступок со стороны работодателей, чем в ходе открытых конфликтов. Следует подчеркнуть, что альтернативные профсоюзы конфликтуют чаще, хотя и ФНПР регулярно организует довольно жесткие акции.

функционирования теплосетей. Таким же образом бастуют водители маршруток, внезапно отменяющие рейсы, дорожные строители, останавливающие работы в сухой период и делающие бессмысленным продолжение работы, так как начинаются дожди. Стихийные забастовки носят неинституциональный характер: это конфликт здесь и сейчас, стороны в нем руководствуются текущим соотношением сил и возможностей, но самое главное – по итогам такого конфликта не вырабатывается решение, исключающее (предупреждающее) возникновение таких ситуаций в будущем. Такие конфликты могут повторяться из года в год по одной и той же причине. Данные Мониторинга позволяют оценить долю стихийных конфликтов и определить их соотношение с организованными (рисунк 6).

Рисунок 6. Динамика стихийных акций и протестов с участием первичных профсоюзных организаций в 2008–2016 гг., % от числа протестов

В исходной точке Мониторинга доля стихийных протестов составляла 62%, и вплоть до 2013 г. она снижалась и достигла 35%, т.е. уменьшилась почти вдвое. Однако с 2014 г. показатель вновь начал расти и в 2016 г. достиг 53%, т.е. каждый второй протест вновь проходил без профсоюзов. В свою очередь, доля акций с участием профсоюзов с 2008 по 2013 г. увеличилась с 33 до 55%, но потом вновь опустилась даже ниже исходного уровня (29%).

Второй момент, на который следует обратить внимание, – это динамика протестов из-за невыплаты зарплаты. Эта причина стоит особняком наряду с такими, как низкая зарплата (16%), ухудшение условий труда (6%), ухудшение режима рабочего времени (4%), увольнения и сокращения (15%), отказ администрации от переговоров с коллективом (15%)¹¹. Причем доля протестов по этим причинам

¹¹ Здесь приведены данные 2016 г. Нужно учитывать, что в рамках одного протеста могли называться сразу несколько причин, поэтому сумма превышает 100%.

менялась несущественно: это обычные поводы, по которым бастуют работники во всем мире, но в России есть определенная специфика – это второстепенные причины, в общем-то, незначительно влияющие на формирование протестного движения. В РФ главной причиной, которую можно обозначить как первостепенную для всех выступлений работников, являются полные или частичные невыплаты (задержки зарплат). Дело даже не в том, что их много (рисунок 7), а в том, что невыплаты – это нарушение цивилизованной экономической и правовой логики, это явление, которого в рамках демократической рыночной экономики просто не должно быть. Профсоюзы рассматривают невыплаты как форму принудительного труда, который запрещен всеми международными конвенциями и трудовым законодательством страны. Тем не менее это явление сохраняется в российской действительности на протяжении всего постсоветского периода и вызывает самое большое раздражение работников.

Рисунок 7. Доля протестов из-за полных или частичных невыплат зарплат в 2008–2016 гг., % от числа протестов

Представление о невыплатах как о самой важной причине, превосходящей все остальные поводы для недовольства, сформировалось в первые годы наблюдений (2008–2010 гг.), когда каждый второй протест возникал именно по этой причине. Но затем их количество стало уменьшаться и к 2013 г. снизилось вдвое по сравнению с первым годом наблюдений. Однако в 2014 г. нисходящая тенденция изменилась, и за три года доля акций из-за невыплат зарплат вышла на приблизительно исходный уровень (54%).

Таким образом, динамика трех показателей укладывается в единую логику: сначала произошел сдвиг протестов из промышленных отраслей в непромышленные, который начался в 2012–2013 гг., затем – падение, а после 2013 г. – рост числа стихийных протестов, и такая же динамика доли акций из-за невыплат зарплат. Промышленность при всем ее разнообразии – это зона с более высоким уровнем институциональности: промышленные предприятия находятся под контролем властей, надзорных ведомств (это касается технологий, налогов, цен, безопасности и в том числе трудовых отношений). На промышленных предприятиях, особенно

крупных, существуют профсоюзы, которые ведут институциональный диалог с работодателем, там выше уровень официального трудоустройства, меньше развиты практики неформальной занятости.

В отраслях, куда протесты стали смещаться, институциональный контроль оказался крайне слаб: в сфере транспорта подавляющее число акций приходилось на долю городских пассажирских перевозок; протесты в авиации, на железнодорожном транспорте и на морских судах случались редко из-за наличия активно действующих профсоюзов (помимо жестких технологических и трудовых регламентов). В то же время дорожные рабочие, водители маршрутных такси, автобусов, трамваев в последние годы ежемесячно устраивали стихийные акции; такая же ситуация складывалась в сфере ЖКХ и строительства, где почти отсутствуют профсоюзы (или они не малоэффективны), где высок уровень неформальной занятости, а степень технологии и регламентации весьма низкая.

Несколько иное положение дел наблюдалось в бюджетном секторе (образовании, здравоохранении, культуре, науке) с высоким уровнем официальной занятости, достаточно жесткой регламентацией, но крайне слабыми профсоюзами и мощным давлением со стороны работодателя, которыми выступают федеральные и региональные власти. Бюджетники не очень часто протестуют против невыплат зарплаты, но чаще всего их толкает на выступления низкий уровень оплаты.

Рост протестного уровня на транспорте, в строительстве, бюджетных и других отраслях после 2013 г., конечно же, объясняется кризисом и неблагоприятной макроэкономической обстановкой. До этого времени конфликты в этих отраслях разрешались двумя способами: либо работники терпели, либо уходили в поисках лучших мест. Однако кризис привел к снижению количества рабочих мест, в том числе и в теневом секторе, поэтому бастовать и протестовать стали те, кто раньше об этом и не помышлял: учителя и врачи, строители-мигранты и коммунальщики, а в последние годы даже работники сельского хозяйства.

Таким образом, сдвиг протестов произошел в направлении отраслей, где либо отсутствует, либо слабо развито институциональное регулирование трудовых отношений. При этом в промышленном секторе, где действуют профсоюзы и накоплен опыт диалога и компромиссов, количество стихийных акций существенно меньше.

Заключение

Сотни протестов остаются незамеченными, им не придают значения, помимо этого, протестное поведение работников не берется в расчет при планировании, прогнозировании и т.п. Трудовые протесты далеки от эпицентра общественного внимания, и о них вспоминают только тогда, когда бастуют коллективы знаковых объектов (например, сотрудники космодрома «Восточный» или стадиона во время проведения Чемпионата мира). Между тем, как говорилось выше, каждый протест может сыграть роль детонатора и запустить цепь быстроразвивающихся и разрушительных для общества событий. Материалы Мониторинга показывают, что на протяжении последних десяти лет происходит постоянная территориальная

экспансия протестов. Но они распространяются не только географически, в социально-экономическом пространстве они также охватывают новые зоны: транспорт, строительство, ЖКХ, бюджетные отрасли, сельское хозяйство.

Данные Мониторинга демонстрируют не только количественные, но и качественные изменения. Период с 2008 по 2013 г. можно назвать временем нарастания институционализации протестов, когда доля стихийных протестов снижалась, в то время как увеличивалось влияние профсоюзов и соответственно уменьшалось количество протестов из-за невыплаты зарплаты. В то же время среди причин протестов стали доминировать борьба против сокращений, против антирабочей политики работодателей, за нормальные условия труда и повышение зарплаты. Иными словами, все свелось к причинам, традиционным для споров работников с работодателями в установленных законом рамках.

В 2014 г. ситуация изменилась, и в последующие три года вновь выросло количество протестов, причиной которых явились невыплаты. Однако следует уточнить одно важное обстоятельство: против невыплат начали выступать не работники промышленных предприятий, а те, кто работал в отраслях с преобладанием неформальной занятости и серых схем трудоустройства, где профсоюзы были малоэффективны или вовсе отсутствовали. Снижение доли промышленных протестов позволяет утверждать, что в этом секторе отношения стабилизировались: значительная часть ответственных работодателей отказалась от практик задержки зарплаты, предупреждая ответные меры профсоюзов. В то же время в других отраслях, где у работников не было представительных органов и они действовали спонтанно, такие протесты стали нарастать. Неплатежи, как следствие кризиса, сместились в другие сектора и вызвали рост стихийных протестов. По сути, в этих отраслях работники вступили на тот путь, который их коллеги из промышленных отраслей прошли несколько лет назад: например, в бюджетном секторе возникло несколько новых альтернативных профсоюзов, которые, несмотря на свою малочисленность, пытались остановить давление работодателей; строители и работники ЖКХ предпочли войти в профсоюзы, наработавшие опыт борьбы и протестов. Однако, пытаясь самостоятельно или с помощью других перенять опыт борьбы за свои интересы, работники непрофсоюзных отраслей осваивали в первую очередь практики противостояния, борьбы и обороны, а не диалога с работодателем в рамках правовой процедуры.

Статистика Мониторинга демонстрирует, что примерно каждая третья акция не давала никаких результатов, столько же заканчивались полным или частичным удовлетворением требований протестующих¹². Единственным фактором, увеличивающим шансы работников на успех, являлись стоп-акции (радикальные протесты с остановкой работ), которые чаще всего проходили в стихийных формах и без участия профсоюзов. В рамках стоп-акций результата не удавалось достичь в 27% случаев, доля безуспешных протестов без остановки работы составляла 41%; число протестов с удовлетворением требований в рамках стоп-акций равнялось 46%, без остановок – 26%. Данные обследования показывают,

¹² В рамках Мониторинга только в двух случаях из трех удалось зафиксировать результат протеста, а в отношении трети акций информация не обнаружена. По каждому случаю могло быть зафиксировано сразу несколько результатов: кроме удовлетворения требований или отказа в них, регистрировались такие варианты, как продолжение переговоров, давление или расправа над протестующими, вмешательство властных и правоохранительных органов.

что при готовности работников принять радикальные меры с целью нанесения ущерба работодателям у протестного коллектива появлялось больше шансов добиться успеха.

Обычная схема современных трудовых протестов сводится к весьма распространенному сценарию: работодатель без особого страха нарушает права работников, которые, в свою очередь, прибегают к проверенным рычагам влияния на него (остановка работы, шумные пикеты, жалобы губернатору или прокурору). Такие конфликты часто не находят своего решения, и проблема откладывается на будущее, порождая новые всплески недовольства. Однотипные конфликты тиражируются, институциональные решения не находятся, вследствие чего нарастает общая напряженность.

Ситуацию, скорее всего, может изменить либерализация закона о трудовых спорах, которая упростила бы процедуру забастовки и заставила бы работодателей вести себя ответственнее, а работников действовать в правовом поле, но до тех пор, пока это не произошло, сложившаяся динамика будет сохраняться.

Литература

- Бизюков П. (1) (2011) Индивидуальные трудовые конфликты: могут ли работники защитить свои права в одиночку. М.: Центр социально-трудовых прав.
- Бизюков П. (2) (2011) Как защищают трудовые права в России: коллективные трудовые протесты и их роль в регулировании трудовых отношений. М.: Центр социально-трудовых прав.
- Борисов В. (2001) Забастовки в угольной промышленности (Анализ шахтерского движения за 1989–1999 гг.). М.: ИСИТО.
- Вебстер Э. (2016) После «Мариканы»: новая динамика забастовок в Южной Африке // Орловский Ю.П., Герасимова Е.С. (ред.) Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте. М.: Контракт. С. 261–282.
- Германов И.А. (2009) Самоорганизация работников и протестная активность // Козина И. (ред.) Профсоюзы на предприятиях современной России. М.: ИСИТО. С. 97–115.
- Гордон Л.А., Клопов Э.В. (2000) Потери и обретения России в девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. В 2 т. М.: Эдиториал-УРСС.
- Ильин В. (1998) Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 гг.). Сыктывкар: СКУ.
- Козина И.М. (2009) Индустриальные конфликты в современной России // Экономическая социология. Т. 10. № 3. С. 16–32 // https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf
- Лопатин Л.Н. (1998) Рабочее движение Кузбасса в воспоминаниях его участников и очевидцев. М.: ИМЭМО РАН.
- Методологические пояснения (6/г) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/metodTrud.htm
- Орловский Ю.П., Герасимова Е.С. (ред.) (2016) Коллективные трудовые конфликты: Россия в глобальном контексте. М.: Контракт.
- Российский статистический ежегодник-2016 (2016) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm
- Соловенко И. (2010) Рельсовые войны в России в 1998 г.: введение в проблему // Известия Алтайского университета. № 4–2 (68). С. 206–209.
- Социально-экономическое положение России-2016 (2016) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/Main.htm

- Труд и занятость в России-2011 (2011) // Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_36/IssWWW.exe/Stg/d1/05-12.htm
- Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 (2001) N 197-ФЗ (ред. от 31.12.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2015), статья 398 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/
- Bizyukov P. (1996) *Underground Miner's Strikes // Labour Relations in Transition. Wages, Employment and Industrial Conflict in Russia* (ed. Clarke S.), Edward Elgar, Cheltenham, pp. 234–274.
- Burawoy M., Clarke S., Fairbrother P., Krotov P. (1993) *What about the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia*, London: Verso.
- Chan C. K. C. (2010) *The Challenge of Labour in China: Strikes and the Changing Labour Regime in Global Factories*, London: Routledge.
- Clarke S., Aswin S. (2002) *Trade Unions and Industrial Relations in Post-communist Russia*, Basingstoke and New York: Palgrave.

Labor Protests in Russia: Territorial and Sectoral Localization, 2008–2016

P. BIZYUKOV*

***Petr Bizyukov** – Associate Research of the Russian Academy of Sciences, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences – branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. Address: 25/14, 7 Krasnoarmejskaya St., St. Petersburg, 190005, Russian Federation. E-mail: petersk@yandex.ru

Citation: Bizyukov P. (2019) Labor Protests in Russia: Territorial and Sectoral Localization, 2008–2016. *Mir Rossii*, vol. 28, no 1, pp. 75–100 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-1-75-100

Abstract

This article analyzes the spread of labor protests in a geographical sense and in the sense of affecting a wider array of economic sectors. It is based on data from the monitoring of labor protests which was launched by the Center of Social and Labor Rights in 2008. Labor protests are defined as public conflicts which employees use to protect their interests. The article introduces the methodology of the monitoring and the main indicators that are used for describing the protests. According to the monitoring, the number of labor protests more than tripled over the 108 months of observation (from January 2008 to December 2016), with a total of 2,516 protests included in the database. A comparison is made of the dynamics of labor protests in Russia with two other post-Soviet countries – Georgia and Kyrgyzstan – where similar monitorings were conducted in 2016.

The regional pattern of the spread of protests suggests that it is close to its maximum. The average annual number of protests has been consistently increasing

in most regions. The sectoral spread has also changed significantly. In recent years, worker protest activity has intensified in the industries where informal employment is widespread, and where institutional mechanisms for regulating labor relations (i.e. trade unions) are either absent or poorly developed. In contrast, the intensity of protests in manufacturing industries and in large enterprises decreased, and the data also show that trade unions in these industries actively participate in resolving conflicts. The decline in the number of protests in industrial sectors has led to a decrease in the inclusion of trade unions in the protests. This increases the number of spontaneous protests in economic sectors where there are no trade unions or where they are weak (education, healthcare, culture, science). The authors conclude that trade unions are capable of reducing tension by effectively using the law and mechanisms of social partnership.

Key words: labor conflicts, labor protests, strikes, trade unions, causes of protests, forms of protests

References

- Bizyukov P. (1996) Underground Miner's Strikes. *Labour Relations in Transition. Wages, Employment and Industrial Conflict in Russia* (ed. Clarke S.), Edward Elgar, Cheltenham, pp. 234–274.
- Bizyukov P. (1) (2011) *Individual'nye trudovye konflikty: mogut li rabotniki zashchitit' svoi prava v odinochku* [Individual Labor Conflicts: Can Workers Protect Their Rights Themselves?], Moscow: Tsentr sotsial'no-trudovykh prav.
- Bizyukov P. (2) (2011) *Kak zashchishchayut trudovye prava v Rossii: kollektivnye trudovye protesty i ikh rol' v regulirovanii trudovykh otnoshenij* [How to Protect Labor Rights in Russia: the Collective Labor Protests and Their Role in the Regulation of Labor Relations], Moscow: Tsentr sotsial'no-trudovykh prav.
- Borisov V. (2001) *Zabastovki v ugol'noj promyshlennosti (Analiz shakhterskogo dvizheniya za 1989–1999 gg.)* [Strikes in the Coal Industry (Analysis of the Miners' Movement in 1989–1999)], Moscow: ISITO.
- Burawoy M., Clarke S., Fairbrother P., Krotov P. (1993) *What about the Workers? Workers and the Transition to Capitalism in Russia*, London: Verso.
- Chan C.K.C. (2010) *The Challenge of Labour in China: Strikes and the Changing Labour Regime in Global Factories*, London: Routledge.
- Clarke S., Aswin S. (2002) *Trade Unions and Industrial Relations in Post-communist Russia*, Basingstoke and New York: Palgrave.
- Germanov I.A. (2009) Samoorganizatsiya rabotnikov i protestnaya aktivnost' [Self-organization of Workers and Protest Activity]. *Profsoyuzy na predpriyatiyakh sovremennoj Rossii* [Trade Unions at the Enterprises of Modern Russia] (ed. Kozina I.), Moscow: ISITO, pp. 97–115.
- Gordon L., Klopov E. (2000) *Poteri i obreteniya Rossii v devyanostykh: istoriko-sotsiologicheskie ocherki ekonomicheskogo polozheniya narodnogo bol'shinstva* [Losses and Acquisitions of Russia in the Nineties: Historical and Sociological Essays on the Economic Situation of the Majority of Population], Moscow: Editorial URSS.
- Il'in V. (1998) *Vlast' i ugol': shakhterskoe dvizhenie Vorkuty (1989–1998 gg.)* [Power and Coal: the Miners' Movement of Vorkuta (1989–1998)], Syktyvkar: SKU.
- Kozina I.M. (2009) Industrial'nye konflikty v sovremennoj Rossii [Industrial Conflicts in Modern Russia]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 10, no 3, pp. 16–32. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204980/ecsoc_t10_n3.pdf, accessed 14.01.2019.

- Lopatin L.N. (1998) *Rabochee dvizhenie Kuzbassa v vospominaniyakh ego uchastnikov i ochevidtsev* [Kuzbass Working Movement in the Memories of Its Participants and Observers], Moscow: IMEMO.
- Methodological Notes (n/y). *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/metodTrud.htm, accessed 14.01.2019.
- Orlovskij U.P., Gerasimova E.S. (eds.) (2016) *Kollektivnye trudovye konflikty: Rossiya v global'nom kontekste* [Collective Labour Conflicts: Russia in a Global Context], Moscow: Kontrakt.
- Rossijskij statisticheskij yezhegodnik-2016 [Russian Statistical Yearbook-2016] (2016). *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_13/Main.htm, accessed 14.01.2019.
- Solovenko I. (2010) Relsovyje vojny v Rossii: vvedenie v problemu [Rail Wars in Russia in 1998: an Introduction to the Problem]. *Izvestiya Altajskogo Universiteta*, no 4–2 (68), pp. 206–209.
- Sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Rossii-2016 [Social and Economic Situation of Russia-2016] (2016). *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_01/Main.htm, accessed 14.01.2019.
- Trud i zanyatost' v Rossii- 2011 [Labor and Employment in Russia-2011] (2011). *Federal State Statistics Service*. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/B11_36/IssWWW.exe/Stg/d1/05-12.htm, accessed 14.01.2019.
- Trudovoj kodeks Rossijskoj Federatsii* ot 30.12.2001 N 197-FZ (s izm. i dop., vstup. v silu s 13.07.2015), statia 398 [The Labor Code of the Russian Federation, 30.12.2001; as amended and supplemented, effective from July 13, 2015; art. 398]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/, accessed 14.01.2019.
- Webster E. (2016) Posle «Marikany»: novaya dinamika zabastovok v Yuzhnoj Afrike [After “Marikana”: the New Dynamic of Strikes in South Africa]. *Kollektivnye trudovye konflikty: Rossiya v global'nom kontekste* [Collective Labor Conflicts: Russia in a Global Context] (eds. Orlovskij U.P., Gerasimova E.S.), Moscow: Kontrakt, pp. 261–282.